Писатели
нашего времени

Наталья В. Коноплева

РАСПЛАТА

18+

Наталья Витальевна Коноплева
Расплата

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74669826
Расплата : мистические рассказы / Н. В. Коноплева: Четыре; СПб; 2026
ISBN 978-5-908165-92-1

Аннотация

Веришь ли ты в карму или нет, не имеет значения. Она работает. Она входит в твою жизнь. Приглядись. Ее поступь уже слышится. Прислушайся. Она пахнет страхом и отчаянием. Принюхайся. На вкус она – кровь. Почувствуй.

То, что ты имеешь сегодня, – последствия того, что случилось с тобой вчера, и этот сборник мистических рассказов словно леденящее душу напоминание: если сделал кому-то плохо, то мир ответит тебе тем же. Жестокость, предательство и обман в прошлом обязательно перечеркнут твое будущее.

Будь осторожнее, столкновение с кармой неизбежно. Она уже коснулась тебя. Ощути ее холод. И ответь: готов ли ты обернуться, чтобы взглянуть на свою жизнь и сделать правильный выбор?

Содержание

Я пришел за тобой 7
Расплата 23
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Наталья В. Коноплева
Расплата

© Н. В. Коноплева, текст, 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Я пришел за тобой

Утром того дня, когда Савьер Кармона должен был умереть, он проснулся в хорошем настроении.

Тучный и потный, одной рукой он прикрыл глаза от пробивающегося сквозь занавеску солнца, а другой отогнал назойливую муху. Крылатая надоеда сделала над ним ворчливый круг и вылетела в окно, где летний ветерок заигрывал с листвой деревьев.

Седая прядь редких волос защекотала лоб Савьера. Он поморщился, перевернулся на бок и на подушке рядом увидел розовощекое лицо кухарки Магдалены. Ресницы ее встрепенулись, она причмокнула губами, поворочалась, опустила полные руки поверх одеяла и свесила с кровати маленькую ножку, вызвав бурную волну умиления у Савьера, с восхищением разглядывавшего свою «сладкую булочку».

Заботливой рукой он прикрыл голую ступню от утреннего ветерка.

Тихо постучали в дверь. Звякнула посуда. Савьер опустил на пол испещренные венозными узлами ноги и босиком пошлепал к двери.

У порога на серебряном подносе, оставленном слугой Маркосом, стоял стакан воды, кофейник, тарелки с посыпанными сахаром пышками, миндальным печеньем и сливовым бисквитом. Савьер, облизываясь, перенес все на стол и не спеша, оттягивая наслаждение, оделся. Напомаженный, он сел за стол и наконец отломил кусочек от бисквита.

Сливовый взрыв поверг Савьера в восторг сытости и блаженства. Он жевал теплую плоть пирога и языком помогал поворачиваться кусочкам, чтобы они обильно смачивались слюной. Пару раз бисквит ломался в руке, падал на тарелку, и Савьер принимался собирать все до последней крошки.

Управившись с бисквитом, он налил кофе и макнул туда печенье. Теплая струйка вытекла из уголка рта, и он, облизав пальцы и потрогав мягкие губы, напоминающие о страстных поцелуях Магдалены, всей ладонью растер сладкую жижу по подбородку. Задумался, посмотрел в окно и только потом взял белоснежную салфетки, чтобы взмахнуть ею, отгоняя невидимую муху, вытереть липкие пальцы и бросить на поднос рядом с тарелкой, на которой остались пышки с сахаром.

Поплывший от неги и сытости Савьер окинул Магдалену взглядом и подумал: «Оставлю-ка я пышки для своей пышки». Рассмеялся собственному остроумию.

Жизнь благоволила счастливому и богатому Савьеру. Он набил сундуки реалами, владея постоялым двором, слава о котором, как о месте, где можно сытно поесть, обильно выпить и блаженно переночевать, разнеслась по округе. В его

конюшне ржали добротные кони, в хлеву хрюкали свиньи и мычали коровы. Постояльцы прибывали и убывали, а доходы росли, и вместе с ними росли размеры блюд на столе Савьера, благодаря чему он округлился, раздобрел и стал сладок женщинам.

Хотя всего этого могло не быть.

Двадцать лет назад его, по тем временам слугу дона Делгаду, разыскали, избили, воткнули нож в живот и бросили умирать. Но парню было двадцать пять, его тело дышало здоровьем, и судьба подыграла ему. В тот день она улыбнулась ему трижды: во-первых, он не умер – удар ножом пришелся вскользь, распоров только брюшину; во-вторых, его нашел проезжающий торговец и привез на постоялый двор «Веселый папа»; в-третьих, старый и бездетный хозяин двора Пабло принял парня как сына и через два года оставил ему все свое хозяйство в наследство.

В руках доброго старика отек с лица Савьера быстро спал, порезы на бровях и лбу зажили, сломанные ребра перестали ныть и болеть, а на животе остался лишь небольшой красный шрам.

Когда силы вернулись к Савьеру, он, черноволосый и белозубый крепыш, рассказал, что родился на юге Португалии в бедной семье рыбака, канувшего в морской пучине, когда жена носила четвертого ребенка, а семилетний мальчик, самый старший из детей, бегал босоногим по улицам со своими сестрами. Мать, так и не разродившись, преставилась, пе-

редав сирот на попечение своей тетке, злой и жестокой старухи, которая дождалась, когда Савьеру исполнится восемь, отвела его в дом к дону Делгаду, а сестер отправила кого в приют, а кого просто выгнала на улицу.

В хозяйстве Делгаду Савьер убирал за скотом, выгребал помойные ямы и выносил ночные горшки. Через год ему разрешили входить в замок, доверили чистить котлы, натирать полы и подниматься на другие этажи, чтобы зажечь свечи. Когда Савьеру исполнилось восемнадцать, его определили помощником к старшему сыну Делгаду, которого из-за падения с лошади парализовало.

Так он прожил при калеке семь лет своей молодой жизни.

На вопрос Пабло – за что его избили? – словоохотливый Савьер скривился, потер больной бок и пожаловался на несчастную любовь к племяннице хозяина Раулине, ее невинный поцелуй и страшную месть, что придумал Делгаду, чтобы отстоять честь своего рода.

Пораженный старческой сентиментальностью, Пабло расчувствовался окончательно и решил отдать свою большую и светлую комнату на втором этаже страдальцу, а сам перейти жить в комнатку у лестницы. Старик уронил слезу и через пелену подслеповатых глаз упустил детали: что весь рассказ руки Савьера подрагивали, он ерзал на стуле, словно днище разогревалось огнем, отводил взгляд и прикусывал губы, умело скрывая, что все прожитые годы в замке воровал гвозди и ремни на конюшне, бегал в соседние деревни, чтобы

продать или обменять их на портвейн. Савьер умолчал и о том, что в пьяных драках без раздумья ломал кости обидчикам, утаил, что натравливал собак на дойных коров и подсыпáл песок в еду парализованного подопечного.

Савьер много еще чего опустил в разговоре, но истинную причину гнева Делгаду он выдал бы только под страхом собственной смерти.

Но это все было много лет назад.

Теперь же, сытно позавтракав, Савьер одутловатой, покрытой пигментными пятнами рукой вытер со лба и над верхней губой пот и достал большую тетрадь. Пролистал до даты «21 июня», вписал несколько цифр. Когда он подсчитал недельную прибыль и откинулся на спинку стула, готовый окунуть себя в мечту о степенной семейной жизни с избранницей, что ворочалась под одеялом, в распахнутое окно влетел обернутый бумагой камень и грохнулся с глухим звуком на дощатый пол перед столом.

Савьер нахмурился. Он встал и неуверенно, со слабыми коленями, подошел к камню. Поднял. Вернулся к столу. Сел. Развернул.

Буквы запрыгали перед глазами.

«Я пришел. Берегись! Ты доживаешь последние минуты».

Голова Савьера наливалась расплавленным свинцом, горело в груди. Он выглянул в разбитое окно.

На фоне озаренного солнцем неба носились беспечные птицы, проплывали задумчивые облачка. Игривая веточка

каштана подрагивала на ветру и норовила попасть внутрь комнаты. Савьер вдруг до мельчайших подробностей увидел тонкие жилки на глянцевой поверхности крайнего листа. Его трепетание замедлялось, а размер увеличивался: вот уже лист застилал просвет окна; вот вылезал за его пределы и вваливался в комнату; вот стены покрыла сплошная зелень – и пряная, и сочная, и дурманящая до головокружения.

Савьер схватил стакан воды и залпом выпил. Ему представилось, что под окном стоит тот, кто бросил камень и ждет подходящей минуты, чтобы швырнуть еще дюжину.

Шрам на животе Савьера зачесался. Он поскреб его, прислушиваясь к шумам: со двора доносилось гыканье прислуги и бой молотка.

Завыла собака. Нервы Савьера натянулись, мурашки забегали по коже. Он схватился за виски, силясь изгнать из себя другой вой, всплывший в памяти: так пронзительно выла собака на похоронах его матери и нерожденного ребенка.

Будто из земли в Савьера хлынула волна страха и окутала его разум, в миг превратив комнату из изысканной в нелепую. Железная кровать с белой простыней и раскинувшейся на ней полуголой красавицей; стены, увешанные шкурами животных; картина, купленная из рук самого Антонио да Силва; зеркало в пол, украшенное позолоченными лианами и розочками по краям; ореховый стол с резными ножками и отполированной столешницей так, что лучи солнца скользили по нему словно по льду, – все это покрылось пеплом,

под которым погреблись года, что прожил он, не зная ни бед, ни разочарований. Шкуры, картины, зеркала, мебель, серебряная посуда… Бессмысленная роскошь у края саблезубого костра.

В дверь постучали.

– Сеньор Кармона, пыльный человек спрашивает вас внизу! – выкрикнул из-за двери слуга Маркос.

– Кто такой? – Савьер удивился собственному голосу. Зычный и громкий, он превратился в визгливый и высокий. – Маркос, расспроси, что ему надо.

– Слушаюсь, синьор.

Савьер послушал, как затихают шаги на лестнице и глянул на Магдалину с какой-то удручающей тревогой, что видит ее в последний раз. Он захотел разбудить ее, рассказать о случившемся и пообещать, что вернется, но вдруг понял, что она находится здесь не по любви, а по принуждению. Именно нужда заставила ее упасть в объятья толстого и больного старикашки, каким себя считал Савьер.

Он горько вздохнул.

Надо было выяснить, кто спрашивал его внизу. Савьер поискал нож, что давным-давно забросил по беспечности в стол. Порылся в ящиках, нащупал мешочек с монетами, сунул за пазуху. Ножа не нашел.

Принуждая себя, он обулся в башмаки и поплелся к двери. Потной рукой взялся за ручку и выглянул в коридор. Пахло жареным мясом и яблоками.

Привычность немного приободрила Савьера. Он ступил в темноту, и ему показалось, что несколько теней кинулись врассыпную, забились на полу, заметались по стенам, запрыгали на потолке. Он услышал их вздохи и перешептывания и сам вскрикнул, увидев, как серый комок прошмыгнул вдоль стены.

Его обуял ужас. Больше, чем ужас. Кошмар: все кругом двигалось, ерзало, скрипело, вопило. Липкий пот струился по его спине, онемевшие ноги подкосились. Он чуть было не упал, но голоса внизу удержали его от беспамятства.

– Как мне сказать о вас? – спрашивал Маркос.

– Скажите, что прибыл старинный знакомый из рода Дел-гаду.

– Присядьте, сеньор. Выпьете чего-нибудь с дороги? – Маркос предложил вина, закусок и пообещал, что хозяин спустится через несколько минут.

– Дел-га-ду, – прошептал Савьер сухими губами и сполз по стене.

Послышались шаги и приглушенное покашливание, за ними раздался треск половицы, и из мрака выплыл силуэт Маркоса. Неведомая сила подбросила Савьера, он оттолкнул слугу и устремился вниз.

Дорогу ему перегородил высокий широкоплечий мужчина в темной накидке, на которой лежала дорожная пыль. Он схватил обомлевшего Савьера за грудки и прижал к стене.

– Вот и ты! Здравствуй…

Савьер поднял затуманенный взор – на него смотрели стеклянные глаза женщины. Той женщины. Это она напоследок вонзила в него стрелы своего взгляда, переполненного смертью. «Это какой-то кошмар, нет, не может быть, прошло двадцать лет. Все забылось. Все Делгаду давно мертвы… Молодой Делгаду… Двадцать лет, двадцать лет… все забылось, забылось», – твердил он мысленно в бреду.

Что-то ржавое и скрипучее замкнулось в Савьере. Он хотел крикнуть, призвать на помощь, но язык присох к небу, и в горле разросся шар, мешающий дышать.

Мир перевернулся, выплюнув зловещую картину.

…21 июня, возвращаясь с городского рынка, он завернул в таверну и там напился. Еле помня себя, Савьер взобрался на повозку, стегнул лошадь и устремился обратно в замок Делгаду.

Топот копыт молоточками восторга стучал в висках. Он чувствовал, как по лицу струйкой бежит пот, и видел, как от пота лоснился черный круп лошади. Он замахивался, остервенелыми рывками хлестал взмыленную спину и наслаждался храпом одуревшей от скорости и боли лошади.

До замка оставалось версты две.

На проселочной дороге он настиг мальчика лет десяти и хорошо одетую женщину с младенцем на руках.

– Удавлю! – гаркнул он, не осаживая лошадь, и направил повозку на идущих.

Лошадь вздыбилась. Женщина оттолкнула мальчика, тот

покатился под откос. Женщина вскрикнула, и Савьер навсегда запомнил безумный взгляд, раздробленный череп, мозги и кровь, струящиеся по мертвенно-бледному лицу, и месиво вместо младенца.

Савьер понесся прочь. Он удалялся от замка все дальше на север. Скрывался в лесу, ночевал в пустых хижинах и прятался по оврагам.

Но его настигли. Скрутили. Долго и упорно били. Пырнули ножом. За женщину и детей, дальних родственников дона Делгаду, приехавших погостить и гуляющих по окрестностям замка…

На кухне что-то упало. Савьер вздрогнул, вжал голову в плечи. Так страшно ему еще никогда не было. Не понимая, в чем найти спасение, он обвел взглядом пустые столы и стены, увешанные головами убитых им животных.

Из груди выдавилось слабое:

– Что вам угодно?

– Мне нужна твоя жизнь взамен тех, что ты забрал.

– Но я ничего не забирал, это ошибка…

– Исправь свою. Время заодно со смертью, пока о ней кто – то помнит.

– Помнит… – эхом отозвался Савьер. – Кто помнит? Ведь никого не осталось! Вы не можете быть…

– Не могу быть кем? Я Эрнесто Делгаду, тот мальчик, которого мать оттолкнула и защитила ценой собственной жизни.

– У ме-ня есть деньги, мно-го де-нег. Я могу зап-п-платить…

Савьер дрожал. Он потянулся к мешочку за пазухой.

Делгаду ударил его по лицу. Голова Савьера стукнулась о стену. Он обхватил виски, унимая нарастающую боль. Бормоча, что дон Делгаду уже расквитался с ним в тот злополучный день двадцать лет назад, что он понес кару и сам чуть не умер в поле, что раны его – это расплата, он просил пощады.

Эрнесто Делгаду слушал, скрестив руки на груди. Указательным и безымянным пальцами одной руки он постукивал по локтю другой, словно был музыкантом и играл на рояле только две ноты. До и си. До – си. До – си. В ритмичных ударах Савьер услышал отсчет последних минут своей жизни.

Улучив момент, когда с улицы заносили мешок и Делгаду оглянулся, коротышка Савьер проскочил под его локтем и устремился во двор. Порыв безумия и силы охватили его. Словно молодой и крепкий, он оттолкнул мужика и, вскочив на повозку, стегнул лошадь.

Минуя поле, выскочил у реки, перебрался на другую сторону и вылетел на проселочную дорогу, не обращая внимание, что каждый метр приближает его к чаще, где солнечные лучи переплелись с ядовитым туманом.

Деревья равнодушно стояли на страже лесной тишины, когда лошадь налетела на поваленное дерево. Повозка накренилась, Савьер упал на траву, краем глаза видя, как вырывается лошадь и уносится в чащу.

Он пополз к ближайшему дереву. Пот водопадом застилал глаза, стекал по шее и бежал по спине. Савьер, задыхаясь, прислонился к стволу, вытер рубашкой пылающее лицо, прислушался к биению сердца. Голова его походила на кастрюлю с кашей, которая варит сама себя, и чем больше Савьер задавался вопросами, тем больше ему казалось, что каша уже не умещается, что череп его готов треснуть и вывалить все содержимое наружу.

Он поежился, удивляясь, что сравнивает своей череп с черепом той женщины. Красные пятна пронеслись перед глазами, потом закружили белые хлопья. Он невыносимо страдал тошнотой, и горькая отрыжка не выходила через рот, а оставалась на уровне горла.

Савьер отдышался и выглянул на дорогу.

Никого.

Остывающим от паники мозгом прикинул, что надо добраться до деревни и там нанять головорезов Мигеля, Жозе и Тео, поставить их у дверей и наказать убивать любого, кто захочет поговорить с ним лично. И нож. Надо отыскать его: днем он должен висеть на поясе, а ночью лежать под подушкой.

Несколько часов он сидел под деревом. Солнце двигалось к закату. Страх сменился апатией и усталостью. Толстое тело его обмякло, голова перестала пылать, только в груди все еще ощущался жар. «Но это пройдет, пройдет», – успокаивал он себя.

Немного погодя он вышел на тропинку. Вдруг неясная песенка послышалась издалека.

* * *

Когда желтый блин солнца скатился по синей тарелке к серой кайме горизонта, высокая фигура в длинном плаще и косой в руках вышла на тропинку, что вела на постоялый двор «Веселый папа».

Фигура накинула капюшон на лицо, утопив в его темноте острые скулы, запахнула полы плаща и, укутав плотной тканью тонкие конечности и любовно взглянув на деревянное косовище, блеснувшее длинным, изогнутым металлическим лезвием под последними лучами заходящего солнца, бряцнула живыми мощами и захихикала, засмеялась, загоготала на весь затаившийся лес.

Настроение было прекрасное, и фигура напевала:

– Чую, чую душок Савьерушки,
Чую кровушку теплую, терпкую.
Наконец-то поем я сытненько,
Утолю свою жажду тягучую.
Отворяй ворота, Савьерушка,
Да умойся водой перед смертушкой.
Пусть чисты твои будут рученьки
Перед временем да закатненьким.
Как люблю я дрожащие пальчики,

Когда рвутся тонкие нервики.
Когда разум вскрывают кошмарики
И животик хватают капканчики.
Когда холод щекочет душеньку,
Голосочек пищит мышенькой.
Когда просят они о милости,
Отрекаясь от злых поступочков.
Смешные до колик, жмурики.
В каждом смертушка затаилася,
А они, простофили, празднуют,
Забывая, что уже трупики.
Надо помнить о смерти радостно,
Как об утреннем масле с хлебушком.
Я за вашей спиной, родимые,
По миру собираю скелетики.
Так же бегал от смерти Кощеюшка,
Иглу длинную спрятав в уточке.
Ах, Кощеюшка ты немеркнущий,
И тебя я настигла, бессмертного.
Будут помнить тебя детишечки
И слагать о тебе сказочки.
Сказки светлые и целебные,
Про могилку твою глубокую.
Так и ты, Савьерушка, радуйся:
Я пришла за тобой вовремя.
Ты прости уж меня, всеядную.
Всякий мусор мне по нравику.
Ох, холодная я, а ты тепленький.
Ох, голодная я, а ты толстенький.

Для тебя уже все уготовано
Ляжешь в гроб ты тесно спеленутым.
Серым мхом покроется землюшка,
Паутиной затянет имечко.
Прожил жизнь ты пустую, никчемную,
Строил козни бандитские, грязные.
Забиякой щипался ты к женщинам,
Нагулявшись в ночи, лез под юбки им.
Сам изгваздался в жиже смрадненькой,
Будто жук ты вонючий, навозненький.
И ручонки отер ты о чистое,
Прикоснувшись к ризе священника.

Фигура приплясывала. Она еще не дошла до «Веселого папы», а уже увидела добычу: Савьер Кармона стоял в полутьме на тропинке.

* * *

Черный ворон кружил над Савьером, размахивал крыльями и открывал огромный клюв. Цепкие лапы схватили Савьера за волосы, он закричал, но из горла вырвалось только сдавленное мычание. Ворон стал постукивать по темечку.

Савьер мычал и пялился остекленевшими глазами по сторонам.

От деревни приближалась фигура в длинном плаще и с косой в руке, а от постоялого двора – фигура в длинном пла-

ще с ножом в руке.

Савьер сделал над собой усилие, постарался сдвинуться с места, но судьбоносный паралич смерти уже сковал его ноги и пополз вверх, сжимая сосуды и вены, сминая внутренности, скручивая позвоночник.

Ворон каркнул. Савьера Кармона пронзила стрела боли в самое сердце, он схватился за грудь и рухнул замертво.

* * *

Лунный свет поцеловал землю и осветил тропинку, на которой лежало бездыханное тело счастливчика и богача Савьера Кармона. От него вглубь леса удалялись две фигуры в длинных плащах.

Стоило темному облаку затмить лик луны, как фигуры разделились, и каждая пошла своей дорогой, оставив во́рону довести дело до конца.

Расплата

Природа бунтовала. Мертвые капли ее пота вуалью окутывали землю, заставляя все вокруг съеживаться и цепенеть в ожидании своей участи.

В этой звенящей тишине таинственная молочная влага оседала на ветках деревьев, лизала крыши домов, обнимала скамейки в парках и накрывала забытые игрушки на площадке для ребятни.

Хищные лапы тумана тянулись к горизонту. Туда, где листва стройных олив уже начала тревожное дрожание, а мелкая живность пряталась в норах, спасаясь от силы зла, скрытой меж атомов воды. Туман просачивался внутрь и разносил по клеточкам каждого тела, попавшегося на пути, отчаяние и боль: он выпивал соки, забирал силы, оставляя взамен лишь пустоту. Он пугал своей жадностью, противостоять которой никто был не вправе, потому что туман знал: он властелин на земле, он накроет ее собою, и тогда она исчезнет.

Он был всемогущ. Кружево его липкой пленки еле уловимо заставляло вибрировать в такт неслышной музыки сте-

бельки лилий, принуждая их оплакивать солнечные дни и голубое небо, а деревья с раскинувшимися ветвями для объятий – замирать от неминуемой потери своих возлюбленных в молочной мгле.

Я пыталась вглядеться в движущуюся муть, а тело погружалось в страх, от которого морозило кожу. Мягкий, теплый свитер не согревал. Кроссовки, обутые на голые ноги, впитывали влагу и тяжелели с каждым шагом, натирая мозоли. Туман, пробирающийся в мою душу, словно намеренно напоминал мне и о моей разлуке.

Несколько месяцев прошло, как я потеряла Артема и Николку. Все это время, пересчитывая седые волоски, я вместо длинноволосой брюнетки видела в зеркале призрак потускневшей женщины тридцати пяти лет, навсегда застывшей в Дне святого Валентина.

В тот день мы с мужем планировали посетить зоопарк и показать Николке медведей. А вместо этого большой, мигающий фарами грузовик со зверским ревом ворвался в мою жизнь, отбросив тела мужа и сына с пешеходного перехода… на котором я так будто бы и стою. Одна, в пустом мире, без родных голосов и плюшевых игрушек.

«За что мне такое наказание? В чем моя вина? Почему я осталась?» – эти вопросы неустанно крутились в голове и заполняли глаза морем слез.

Выйдя в сад перед сном, я надеялась, что красота здешних мест успокоит метущийся ум, но плотный, липкий, зябкий

туман еще больше погружал в прошлое. Он преследовал меня, на каждом шагу отзываясь хрустом гальки – как осколками разбитых фотографий.

Я слышала голоса, и это был голос моего сына. И запах морга, где я в последний раз видела свою семью, теперь, казалось, опускался на землю. Туман щекотал мой нос и пробирался внутрь, где по извилистым руслам внутренних рек стекал в живот. Я чувствовала, как превращаются в ржавые хлопья мои почки, сердце и легкие; как все труднее дышалось и как мерзко становилось на душе от подступающей тошноты и головной боли.

С трудом удерживая нити реальности, я тронула воздух пальцами, их кончиками уловив опасность. Несколько секунд мое тело боролось с беспамятством, но мир тьмы и забвения затягивал все сильнее, в один миг внутренние бастионы мой крепости рухнули, и я, оттолкнувшись от берегов сознания, мягко поплыла по тайным закоулкам разума.

Вспыхнул яркий свет. Как чемодан на ленте выдачи багажа, ко мне начал приближаться квадратный предмет, светящийся лунным светом. Его плоское тело казалось абсолютно стеклянным; внутри хорошо виднелись синие и красные провода, переплетенные друг с другом; электрическая сеть искрила и дрожала при каждом движении. Все внутренности напоминали агрегат, без остановки качающий воздух. Поршни работали слаженно, и каждый толчок в моей груди отражался давлением и болью.

Включили проектор. На возникшем экране замелькали кадры: колонны беженцев, поезда с ранеными, полыхающие города, танки, поднимающие пыль. Полилась знакомая музыка, ненавистная и отвращающая. Звуки нарастали.

Следующий кадр: паника, страх и неистовство смертельного боя. Стрекотание и дребезжание военной техники, скрип гусениц, пулеметная очередь, ружейные выстрелы, орудийная канонада ухала со всех сторон, звенела в ушах и превращалась в сплошной гул самолетных виражей. Мечущиеся тени, обезумевшие животные и люди, возносящие руки к небесам с прямым укором создателю. Крики, и стоны, и красные ручьи, пробивающие дорогу сквозь мертвые тела и раскуроченный металл.

Объяснений я не находила. Ужасом жило мое тело, потому что я видела все своими глазами. Каждый звук и новый кадр – все говорило одно: то, что происходит, происходит с моим участием.

Вскоре самолетный гул стих, и ему на смену пришла гробовая тишина, опустившаяся раньше, чем осела гарь от полыхающих домов. Очень медленно, с каждой минутой все четче и четче, из клубов черного дыма показались обугливщиеся печи и обгоревшие столбы деревни. Я, замерев, как борзая на охоте, не отрывая глаз и навострив уши, всматривалась в контуры уцелевших домов у леса.

Казалось, прошла вечность. Боясь спугнуть сознание и увести его в сторону от этих мест без ответа, я ждала.

Наступила ночь. Скрип двери кладбищенского склепа за деревней рассек тишину. Ветер донес шепот едва различимых людей, языка которых я не знала, но понимала. Теряясь в догадках, из закромов памяти, по крупицам, я доставала наречия, диалекты, все, что могла слышать и знать раньше.

И тут меня осенило. Это Польша!

– Отступили, ироды! – оборванная старуха погрозила кулаком небу.

– Надолго ли?..

– Чтоб вы сдохли… – Последовали проклятия всем извергам до седьмого колена.

Стараясь не издавать лишних звуков, группа выживших людей двинулась к сараю и дому, мало пригодным для жилья. Света в окнах они не зажгли. И только тихий шепоток наполнял воздух смыслом.

Светало. Зябкость утренней росы холодила ноги. Черная копоть и привкус крови на губах покрывали тонкой коркой льда мою душу. Захрипел откуда-то взявшийся петух. Люди украдкой высовывались на улицу, оглядывались, водили носами по ветру в надежде заранее распознать надвигающуюся беду; прислушивались к грохоту орудий вдалеке, за лесом.

Одна из женщин у перекошенного сарая вдруг остановилась и резко обернулась. Ее тело вросло в землю, глаза остекленели, и в них, как в зеркальной глади кристального озера, сверкнули черные гусеницы танка, выбирающегося из леса с пьяными, орущими во всю глотку немецкие песни солдата-

ми. «Ах, мой милый Августин…»

Музыка набирала силу, вонзалась в сердце. Хаотичная стрельба оглушала. От боли и страха меня закружило и со свистом втянуло в какую-то огромную трубу. Бесконечную и черную. Я неслась в бездну. Кувыркаясь в пустоте, постепенно наполняясь злом, алкоголем и развратом.

Прошло каких-то несколько секунд, я с головой окунулась в омут безумия и неожиданно для себя вынырнула внутри немецкого танка в теле одного из пьяных солдат…

Нас было трое: Генри, Курт и я, Монс. В танковую дивизию нас привела судьба из разных уголков Германии.

Генри – толстый, больной диабетом баварец – еще с довоенных времен попал в армию по зову души, воевать за великую Германию. Курт, хулиган и дебошир, злился на весь мир и жестоко расправлялся со всеми неугодными. Я – Монс, потомок древнего немецкого рода, – разгневал отца и был послан на верную смерть ради идеи создания совершенного мира. И сейчас мы, хмельные и отчаянные, в жажде мести уничтожали все на своем пути.

В теле Монса, с отвратительной жирной отрыжкой и сальным ртом, я вылезла из люка на башне. Мне нравилась это сожженная деревня, как нравились и горы трупов, от которых еще шел запах страха – а значит, запах моего величия.

Демонически смеясь, я отхлебнула из горла бутылки шнапса, отбросила пустую, и, передернув затвор автомата, начала хаотичную стрельбу по округе. Подстрелив хромую

собаку, изрыгая брань во все горло, я наставила дуло на женщину и выплюнула зверскую очередь пуль ей в грудь.

Женщина рухнула. Из сарая донеслись детские крики и, сверкая грязными пятками, выскочила девочка лет шести. Я чувствовала, как волны безумия накрывают меня, унося все дальше от берега рассудка, а невидимая стальная рука сжимает мозг, превращая его в безвольный грецкий орех. Но остановиться уже не могла.

Продолжая захлебываться яростью, я выхватила из рук своего приятеля огнемет, повернулась в сторону сарая и с диким визгом включила воспламенитель.

Струя огня слизала постройку с лица земли, заглушив собой крики и стоны. Хохот. Тишина.

Все померкло.

Очнувшись в траве, насквозь промокшая, я никак не могла унять дрожь и тщетно искала объяснение увиденному. Мозг отказывался что-либо понимать о том ужасе мрака и тьмы давно минувших времен, в которых, по причудливой иронии судьбы, я оказалось. «Сон, страшный сон и только!» – сигналил разум.

Сквозь деревья пробивались лучи восходящего солнца. Сердце неистово билось птицей о стекло, ломая крылья и сбрасывая перышки. Все тело ломило, голова раскалывалась от видений, судорога сводила руки. Взглядом устремляясь ввысь, чувствуя, как душа хочет очиститься и вырваться из грудной клетки, я несколько раз прочитала единственную

пришедшую на ум молитву: «Ангел Божий, хранителю мой святый…»

Тревога отступила, убаюканная кофейными ароматами и сладкими булочками. «Значит, все это мне приснилось! Я попала в польскую деревню, а теперь опять здесь», – успокоила я себя.

Здесь – это глубинка Сицилии, вечный рай закатов и рассветов Средиземного моря. Сильвия, коллега по работе моей подруги Маши, пригласила нас в свой милый домик с террасой, которую обвивал перезрелый виноград, источавший медовые ароматы такой силы, что запахи цветов и морского прибоя становились лишь его нотками, едва уловимыми, но так же чарующими.

Знакомство с Сильвией взволновало меня с первых мгновений. Если свою любимую Машу я знала давно и наш громкий смех частенько будоражил улицы городов мира, где мы вместе отдыхали, то Сильвия показалась мне знакомой с каких-то доисторических времен. Ее полноватое тело и невысокий рост поднимали во мне бурю эмоций, распознать которые я смогла не сразу. Порой при ее взгляде у меня шевелились волосы, набухали ноги, и вся энергия в лодыжках готова была прыснуть наружу и унести меня за десятки километров. А когда Сильвия мурлыкала песенки, я лишалась воли и была готова идти за ней хоть на край света, подчиняясь и слушаясь.

И сейчас ее голос вводил меня в транс.

– Таня, ты где? Мы сегодня едем по местным достопримечательностям! – Голос Сильвии журчал прозрачным ручейком, пробивающим себе дорогу через травинки и камешки. – Иди скорее сюда. Сегодня я покажу вам самые удивительные места. Вы запомните наш отдых на всю жизнь.

Я вошла на кухню, разлила вино по бокалам и задумчиво ответила:

– Надеюсь, это будет хороший день.

После плотного завтрака и пары бокальчиков сицилийского вина, задорно смеясь, мы плюхнулись на сиденье небольшой раритетной машины с открытым верхом.

Бабочки опахалом крыльев разогнали туман. Лазурь пролила свое сияние на город. Бутоны пробужденных красных роз, словно кисточки в руках Ренуара, рисовали ароматные мазки в воздухе, тонкий шлейф которых устремился за нашей машиной, выехавшей на проселочную дорогу.

Стальной блеск природы ослеплял глаза, и мы дружно, не сговариваясь, водрузили очки на обожженные солнцем носы. Быстро сменяющиеся пестрые картинки кружили наши головы: молекулы брожения перезрелого винограда разносились по округе, просачивались сквозь кожу, впитывались и доводили до исступления мозг, захлебывающийся экстазом и эйфорией. Свобода, грандиозная и мощная, толкала нас в водоворот событий.

Распевая песни на разный лад и язык, мы лихо обгоняли машины, махали водителям и неслись дальше к приключе-

ниям. Мы повстречали давнишних приятелей Сильвии, посмотрели мозаику древнеримской виллы, заехали в кафедральный собор. Искупались в озере, на берегу которого ели клубнику, купленную на средневековом базаре, и смаковали коктейль со сладким ликером, приправленным мятой.

По дороге к морю мы свернули в одну из деревень – посмотреть на пещеру, руины и старую церковь.

Девчонки, окрикивая меня и поторапливая, ушли далеко вперед к углублению в скале. Но ноги мои явно не хотели бродить по деревне. С каждым шагом, все ближе подходя к остаткам каменной кладки, у меня возникало ощущение, что мы не одни в этом заброшенном месте. Развалины практически скрылись под землей, но кое-где еще виднелись обломки и тоннели, в древности соединяющие башни крепости. Все вокруг напоминало разбросанные осколки моей жизни – тревога звякнула внутри, и слезы подступили к горлу.

Мне казалось – тени обступают. Я вздрагивала от малейших звуков. Тонкие струны моих нервов натянулись, когда за спиной пронеслась птица, выслеживающая добычу.

Неожиданно пространство вокруг меня завибрировало. Череда шокирующих образов людей на лошадях и в доспехах возникла перед моими глазами. Ветер завыл, и из глубины веков принес гул битв и крики воюющих. Легкий холодок пробежал по моей спине.

Я обернулась. Пусто. Только чье-то дыхание покрывало мои следы, вымораживая все живое из-под вековых валунов.

Краешком глаз я заметила, как, быстро перебирая лапками, скрылась в траве мышь и ожила трещина на земле, юркнув под дерево.

«Не к добру, – подумала я. – Стоит нам войти в пещеры, как мы встретимся с его неведомыми жителями и произойдет что-то страшное. Мы за что-то будем наказаны. Все трое. И я, и Сильвия, и Машка».

Вслух сказала:

– Давайте не пойдем, что-то мне жутко от этих мест.

– Ты боишься? Здесь никого нет. Тут только трава и песок. Камни есть камни, они не умеют говорить и не передвигаются сами. Нам надо подняться выше, вон туда, к входу.

Сильвия протянула руку и помогла мне переступить небольшую расщелину. Мы остановились на краю невысокой скалы.

– Или ты даже здесь увидела мистику и сверхъестественное? – Зная мою склонность верить в потусторонние силы, Маша потрепала меня по плечу. – Смотри, простой круглый камень. Какой красивый! – с этими словами она легонько пнула булыжник размером с теннисный мяч.

Тот покатился вниз. Сначала медленно, затем набирая обороты и ускоряясь, он на глазах становился все больше, как снежный ком. Он летел, шумел, скреб и будто молол камни. И вдруг подпрыгнул, завис в воздухе и через несколько секунд скрылся за бугорком, оставив за собой лишь тишину.

От неожиданности мы поежились.

Не сразу рискнули подойти ближе к оврагу, куда упал камень и вдоль которого шла дорожка к тоннелю. Сильвия пошла первой, за ней я, потом Маша. Держась одной рукой за отвесную стену, а другой балансируя в воздухе, мы добрались до входа, вздохнули с облегчение и, подбадривая друг друга, шагнули в темноту.

Все изменилось в миг.

Пещера проснулась. Ее шепот возвестил призрачных жильцов о нашем прибытии. Всколыхнулся невероятный удушающий смрад гниения, сладковато-прелой травы и кислой земли. Могильный холод схватил за лодыжки и повесил на них пудовые гири. Но бездонная темнота манила. Не в состоянии оторвать от нее завороженного взгляда, мы двинулись вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.